



**Ж**изнь знаменитого хирурга, профессора Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого и пройденный им путь служения людям и Богу полны бед и страданий. За веру и непокорность власти его пытались раздавить, уничтожить, сгноить в тюрьмах и ссылках, но Лука так и не отступил от своих убеждений. Наоборот, чем страшнее были испытания, тем крепче становилась его вера и вопреки всему закалялась его нестигаемая воля. Пройдя весь этот коммунистический ад, архиепископ Лука остался верен исповеданию Истины, и где бы он ни был — в застенке, на кафедре, за операционным столом — он был носителем веры: *«Так да просветится свет ваш пред людьми, чтобы видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего, Который на небесах»* (Мф. 5; 16).

Тысячи людей боготворили своего спасителя, а официальная власть безжалостно играла судьбой непокорного. То пыталась расстрелять, то испытывала на нем новые истязания, то... вручала Сталинскую премию, при этом навсегда причислив его к врагам. Даже когда в 1996 году православная церковь причислила Войно-Ясенецкого к лику святых, в архивах спецслужб он все еще числился преступником. Страна воинствующего атеизма и человеконенавистничества не могла иначе оценить научное и духовное творчество хирурга с мировым именем.



Святитель Лука — профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий

Жизнь этого человека удивительна, ярка и неповторима.

Энциклопедическая заметка о его биографии выглядела бы примерно так. Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович. Родился 27 апреля 1877 года в Керчи. Умер 11 июня 1961 года в Симферополе. Хирург, доктор медицины. В 1903 году окончил медицинский факультет Киевского университета Св. Владимира и отправился служить заведующим отделением хирургии в госпитале Киевского Красного Креста в Чите. С 1905 года работал земским врачом в Симбирской, Саратовской, Ярославской и Курской губерниях, в г. Золотоноша в Украине, с 1908 года — экстерном хирургической клиники профессора П.И. Дьяконова, а после защиты докторской диссертации до 1917 года заведовал больницей в Переславле-Залесском Московской губернии. С 1917 года он — главный врач Ново-Городской больницы в Ташкенте, профессор

Среднеазиатского государственного университета. В 1920 году возглавил кафедру оперативной хирургии и топографической анатомии Туркестанского государственного университета в Ташкенте. В 1921 году был рукоположен в диаконы, через неделю, в день Сретения Господня, преосвященный Иннокентий совершил его рукоположение в иереи. В 1923 году В.Ф. Войно-Ясенецкий принял монашеский постриг под именем Луки, и 30 мая того же года иеромонах Лука был тайно хиротонисан в сан епископа. Уже 10 июня 1923 года он был арестован как сторонник патриарха Тихона. Многократно в течение всей жизни подвергался арестам и административным ссылкам (биографы подсчитали, что его арестовывали 390 раз, а в заключении он провел в общей сложности одиннадцать лет).

Автор 55 научных трудов по хирургии и анатомии, а также 1250 проповедей, 700 из которых составили 12 толстых томов. Наиболее известна его книга «Очерки гнойной хирургии», выдержавшая в XX веке 3 издания (в 1934, 1946 и 1956 гг.). Избран почетным членом Московской духовной академии в Загорске. Награды: премия Хойнатского от Варшавского университета (1916 г.), бриллиантовый крест на клобук от Патриарха всея Руси (1944 г.), медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945 г.), Сталинская премия первой степени за книги «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при огнестрельных ранениях суставов» (1946 г.). Умер преосвященный Лука 11 июня 1961 года, в День Всех Святых, в земле Российской просиявших, в сане архиепископа Крымского и Симферопольского.



Мы живем как бы в двух мирах — светском, в основном атеистическом, и духовном — религиозном. Исповедуемое носителями знаний этих миров достаточно часто весьма неоднозначно, а то и вовсе противоречиво. Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (о. Лука) во многом был неудобен и для тех, и для других.

Советская власть уничтожала его за религиозные взгляды, но преклонялась перед выдающимся врачебным даром. Он не погиб в лагере, но прошел через все круги ада; он не был оппозиционером, однако почти на всей его биографии лежала печать изгойства. Парадокс еще и в том, что врач, писавший научные труды в тюремной камере, не только дождался их публикации, но и получил за них при Сталине Сталинскую премию.

Православная церковь доверяла ему целые епархии, но относилась с известной опаской к некоторым его религиозным взглядам. Его держали в Симферополе, подальше от столицы. Не доверяли? Из сотен проповедей архиепископа при его жизни напечатаны были лишь немногие. Не была при его жизни издана и его главная богословская работа «О духе, душе и теле» (она увидела свет в Брюсселе только через 17 лет после смерти своего автора).

Так уж вышло, что духовный путь Войно-Ясенецкого был оценен выше, чем путь хирурга, врача, целителя. Но только после смерти... В 1996 году Украинская православная церковь причислила Войно-Ясенецкого к лику святых. В октябре 1999 года в Красноярско-Енисейской епархии его причислили к лику местно чтимых святых. В августе 2000 года на юбилейном Архиерейском

соборе РПЦ архиепископ Лука был причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских для общецерковного почитания.



Икона святого новомученика и исповедника  
архиепископа Луки

Но дела с обвинениями советских времен — № 152 (1923 г.), № 19 626 (1923 г.), № 5 (1924 г.), № 49 065 (1930 г.), № 4335 (1937 г.) — все еще не были закрыты...

И только в апреле 2000 года после настойчивых хлопот внучатого племянника В.Ф. Войно-Ясенецкого академика В.А. Лисичкина, депутата Госдумы России, и личного вмешательства президента России В.В. Путина он был официально реабилитирован Главной военной прокуратурой Генпрокуратуры РФ.

Кстати, в Греции наш соотечественник святитель Лука в большом почете. Он даже объявлен покровителем греческой армии.



Но это только энциклопедическая справка. Скупые канцелярские слова. А на самом деле? Чего не хватало в жизни человеку с хорошей медицинской профессией, устоявшимся врачебным и научным авторитетом, подкрепленным престижными постами? Какой внутренний стержень позволил ему вынести все испытания, посланные судьбой, какая вера призвала его «полюбить страдания»? И что (или кто) было причиной его страданий? Вопросов много... И далеко не на все из них есть ответ.

*«Жизненный опыт человека, погруженного во Христа и в то же время не чуждого подлинно научного мировоззрения, преданного Церкви, но продолжающего жить общественными интересами, трудно переоценить, — писал протоиерей-афонский Василий Марущак. — В наше время многое переменилось, но соблазны, ложь и насилие остались. Они стали другими, но не менее опасными для человеческой души. Жизнь Владыки помогает понять, что бесполезно бороться со следствиями, не зная их тайн и глубинных причин. Соблазнам надлежит прийти в мир, и даже праведники будут искушаемы, как мы знаем из Священного Писания, и оттого мы не должны забывать, что в духовной жизни перемирия с диаволом не бывает. Идет постоянная и ожесточенная борьба за человеческие души, за вечность и спасение».*



**Е**ще в университете юный медик избрал свой путь. Валентин хотел всю жизнь работать в земстве. Тогда, под влиянием идей народоволь-

цев, это было модным увлечением образованной молодежи. *«Я изучал медицину с исключительной целью — быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом, помогать бедным людям»*, — писал он потом в своих мемуарах.

Поначалу все так и складывалось. Сельские и уездные больнички, приемы по сто и более пациентов, первые удачные операции, первая слава... Наметился и карьерный рост. Из заштатной десятикоечной больницы села Верхний Любаж земская управа перевела его в уездный город Фатеж. Но... Так уж сложилось, что в России с древних пор управляют не законы, а «чиновничьи люди», поэтому служащий человек никогда не знает о своей завтрашней судьбе. Многое зависит от его величества случая. И случай не заставил себя ждать. Заболел не кто иной, как сам исправник! Послали за доктором, а тот посмел отказать в срочном визите, сославшись на занятость по оказанию помощи тяжелым больным. Дерзость неслыханная! *«Фатежский уезд был гнездом самых редких зубров-черносотенцев, — вспоминал Валентин Феликсович. — Причем самый крайний из них был председатель земской управы Татезатул, то постановлением управы я был уволен со службы»*.

Но авторитет врача среди народа к тому времени был уже достаточно высок, а уездные власти изрядно всем надоели. Достаточно было речи исцеленного больного в базарный день на площади — и толпа народа отправилась громить земскую управу. Войно-Ясенецким, конечно, пришлось поскорее уехать из Фатежа.

Этот случай послужил неплохим уроком. Проза жизни заключалась в том, что рядового

земского врача, каким бы специалистом он ни был, может запросто обидеть и даже выгнать любой чиновник (а разве сейчас не так?). Где же выход? Наивный Валентин решил, что *«...надо сделаться доктором медицины. Доктора медицины никто не позволит оскорблять и поносить»* (его бы мысли да Богу в уши!). А для того чтобы подготовить и защитить докторскую диссертацию, он поехал в Москву и поступил экстерном в клинику профессора Петра Ивановича Дьяконова.

Это было поразительно наивное решение. Докторская степень ни тогда, ни сейчас еще никого не спасла от произвола и самодурства замысливших недоброе чиновников. Единственным, пожалуй, исключением является категорический отказ академиков АН СССР исключить из своих рядов А.А. Сахарова, несмотря на многочисленные доносы и мощное давление со стороны партийных и репрессивных органов. Но тогда в академии были ученые, а не купившие звания временщики. Других примеров «устойчивости против чиновников» история, к сожалению, не знает.

Но так уж устроен человек, и Войно-Ясенецкий решил защитить диссертацию. Человеку нужно строить хрустальные замки и верить в идею справедливости. Впрочем, некоторая наивность в делах житейских сопровождала Валентина Феликсовича всю его жизнь. Житейски наивным оставался этот серьезный и по-своему мудрый человек даже тогда, когда стал профессором, и тогда, когда облачился в архиерейскую рясу.





Первые с силой доносов профессор столкнулся, когда работал в Ново-Городской больнице в Ташкенте. Принципиальный главврач быстро нажил себе врага — некоего «товарища Андрея», работавшего в морге, лентяя, погрязшего в пьянстве и воровстве, но «пролетарски сознательного». Он-то и «просигнализировал» органам, что «...профессор оказывал предпочтение белым, а красных не лечил и вообще воспротивился размещению красного отряда на территории больницы». Бред какой-то! Но суть пасквиля полностью соответствовала текущему этапу классовой борьбы, да и момент был выбран крайне удачно. Донос был передан в органы в период «чистки» противников коммунистического режима после Осиповского мятежа 1919 года. Обстановка массового террора, охватившего весь город, позволяла запросто свести счеты со своим врагом. Для этого было достаточно указать, что имярек — предатель интересов рабочего класса. «Суд тройки», основанный на «пролетарском классовом сознании», никаких других доказательств и не требовал.

Так что бумажки, состряпанной «товарищем Андреем», оказалось достаточно, чтобы Валентин Феликсович с помощником доктором Р.А. Ротенбергом были арестованы и отконвоированы в железнодорожные мастерские, в которых и вершили скорый ревсуд. На разбор каждого дела и вынесение приговора (а он был всегда один — «расстрелять!») палачи тратили буквально по несколько минут. Приговоры немедленно приводили в исполнение здесь же, под мостом. Невозможно представить истин-

ных масштабов трагизма происходившего. При страшной (во всех смыслах) скорости «судопроизводства», чтобы предстать перед «чрезвычайной тройкой», врачам пришлось ждать 12 часов — так много людей ожидало очереди на этот конвейер смерти!

Но судьба на этот раз была благосклонной к врачам. Вмешательство «высокопоставленного партийца», лично знавшего Войно-Ясенецкого, спасло им жизнь.



*Святые — это не какие-то Божии «любимчики», а люди, о которых Господь провидел, что они понесут крест святости, поэтому Он избрал их и даровал нести этот крест.*

*Архимандрит Венедикт (Пеньков)*

**В** начале 20-х годов епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский) сказал Войно-Ясенецкому: «Доктор, вам надо быть священником».

Событие, случившееся в Ташкенте в 1921 году, было сродни разорвавшейся бомбе. Еще бы: в то время как вся страна, смертельно инфицированная воинствующим атеизмом, вела непримиримую войну с религией, известный и заслуженный человек, главврач ташкентской больницы, блестящий хирург, доктор медицины, автор ряда монографий, наконец, преподаватель медицинского факультета Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий принимает... священнический сан.

Что это? Зачем это? Непонятно... Ведь он не какой-то полуграмотный мужик, одурманенный попами, а профессор!

Действительно — зачем? Начало 20-х годов для Русской православной церкви было трагическим. По стране катилась мощная волна антирелигиозной пропаганды. Не проходило дня, чтобы в газетах не появлялись объявления об аресте священников и епископов. Тюрьмы были переполнены священниками, отвергнувшими обновленчество и сохранившими верность патриарху Тихону. Открытые судебные процессы, на которых их обвиняли во всех смертных грехах, шли повсюду. И — расстрелы, расстрелы...

Принятие священства в двадцатые годы требовало от человека немалого мужества. Надеть рясу в то время, когда люди боялись упоминать в анкете дедушку-священника, когда на стенах домов висели плакаты **«Поп, помещик и белый генерал — злейшие враги советской власти»**, вспоминала медсестра М.Г. Канцельпольская, *мог либо безумец, либо человек безгранично смелый. Безумным Войно-Ясенецкий не был...*

Он верил в справедливость. Он протестовал своим поступком. Поэтому он и не побоялся открыто вступить за православную веру, которую власти стремились вытеснить из сердец и памяти людей. Вот его собственные слова, объясняющие, почему он это сделал: *«При виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом мое сердце громко кричало: «Не могу молчать!» И я чувствовал, что мой долг — проповедью защищать оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому»*.

Впервые придя в больницу в рясе, с крестом на груди, он сказал своему ассистенту: *«Валентина Феликсовича больше нет, а есть священник отец Валентин»*.

Реакция сотрудников больницы на священство Войно-Ясенецкого была отрицательной. Только некоторые затаились, ожидая реакции властей, а большинство сразу же заняло классово-враждебную и даже агрессивную позицию. Марк Поповский писал: «В первый же день, когда Войно-Ясенецкий явился в больницу в духовном облачении, ему пришлось выслушать резкое замечание своей всегда послушной и добросовестной ученицы Анны Ильиничны Беньяминович: *«Я неверующая, и что бы вы там ни выдумывали, я буду называть вас только по имени-отчеству. Никакого отца Валентина для меня не существует»*.

Еще более непримиримо отнесся к «поповству» о. Валентина П.П. Ц-нко, в то время молодой партийный функционер (он был, между прочим, секретарем съезда врачей, хотя по сути он был всего лишь начинающим хирургом). Особо его раздражало, когда Лука шел в церковь: *«...он шел, окруженный толпой бабонек, благословлял их, а они лобызали ему руки. Тяжелая картина»*. Также недопустимыми он считал благословение больных перед операцией и иконы в хирургическом отделении.

Да что уж говорить о врачах! Врачи всегда отличались покорностью властям. Прикажут свыше — и осудят, пригрозят увольнением — и подпишут любой донос. Лишь бы быть угодным начальству. Лишь бы самого не трогали. Врачи... Даже известная всем своим легкомыслием студентка Капа Дренова, а по совместительству —

штатная подруга бессонных ночей всех охочих до женских прелестей, не упускала возможности поносить профессора: *«Вы только кокетничаете своей рясой. Поклонение верующих ласкает ваше честолюбие»*. Вот так, только из-за нападок на священника, и сохранила история имена этих «политически зрелых» атеистов. А ведь и остальные в окружении Войно-Ясенецкого были такими же!

Исследователю жизненного пути В.Ф. Войно-Ясенецкого Марку Поповскому удалось встретиться с одним из участников тех событий профессором-хирургом П.П. Ц-нко. Даже спустя пятьдесят лет профессор-хирург Ц-нко, «человек крупного сложения, весь какой-то оплывший, с надменно-начальственным выражением лица», начал свой рассказ словами: *«Я скажу вам о Войно-Ясенецком больше отрицательного, чем положительного»*.

Ничего положительного, а попросту ничего хорошего о Валентине Феликсовиче он действительно не сказал, но воспоминания его по-своему интересны: *«После рукоположения Войно-Ясенецкого в священники мы серьезно ставили вопрос о том, допустимо ли в советской высшей школе доверять воспитание молодежи служащим культа. Мы даже намекнули ему тогда об отставке»* (двадцатичетырехлетний, только что окончивший университетский курс Ц-нко, конечно, ни о чем таком намекать известному профессору в то время не мог, но «партийцу с довоенным стажем», члену бюро Крымского обкома партии, профессору П.П. Ц-нко кажется теперь (и самое главное — он в это верит!), что это он собственными руками выставлял «попа» Войно-Ясенецкого с кафедры). *«Подавляющее большинство ташкентских врачей, — продолжал он, — сожалело, что*

*Валентин Феликсович погиб для науки. Служба в церкви оказалась для него роковой — он начал произносить контрреволюционные проповеди и был арестован». На вопрос «А вы сами слышали эти контрреволюционные проповеди?» — последовал ответ: «Нет-нет (торопливый оборонительный жест), я в церковь не ходил. Посещать в те годы церковь значило находиться в оппозиции к советской власти, а я всегда твердо держался генеральной линии партии».*

И с такими людьми о. Луке приходилось общаться изо дня в день, встречая непонимание, насмешки, а порой и ненависть.

К непониманию и ненависти на работе прибавилась и недоброжелательная молва. По городу полз липкий, грязный слухок: *«Батюшка-то Валентин жену схоронил и другую в дом привел. При детях малых... Срам... Стыд... Проповедует в храме, чтобы православные венчались крепким церковным браком, а сам...»*

Слух казался обывателям очень достоверным, в полном соответствии с критериями геббельсовской пропаганды: *«немного правды и ложь, ложь и еще раз ложь!»* Действительно, после смерти жены Валентин Феликсович поселил в доме свою хирургическую сестру Софью Сергеевну Велицкую — вдову убитого на фронте царского офицера. Своих детей у нее не было. Решение о таком поступке пришло, по воспоминаниям самого Войно-Ясенецкого, не случайно. Он сам проводил зауспокойный молебен, и в ночной час, когда он стоял в ногах умершей жены Анны, читая псалмы, строка 112-го псалма — *«И неплодную вводит в дом матерью, радующеюся о детях»* — подсказала ему нужное решение.

Да и другого выхода у вдовца с четырьмя малолетними детьми не было. Дочь Войно-Ясенецкого Елена Валентиновна Жукова-Войно вспоминала: *«Когда умерла мама, папа в отчаянии, оставшись с четырьмя детьми, звал к себе приехать тетю Шуру и тетю Женю (родных сестер жены), но они отказались».*

В трудную минуту выбора молодого священника поддержал только архиепископ Иннокентий. Лука вспоминал: *«Я говорил с Владыкою о том, что в моем доме живет моя операционная сестра Велицкая, которую я по явно чудесному Божию повелению ввел в дом матерью, радующеюся о детях, а священник не может жить в одном доме с чужой женщиной. Но Владыка не придавал значения этому моему возражению и сказал, что не сомневается в моей верности седьмой заповеди... Моя квартира главного врача состояла из пяти комнат, так удачно расположенных, что Софья Сергеевна могла получить отдельную комнату, вполне изолированную от тех, которые я занимал. Она долго жила в моей семье, но была только второй матерью для детей, и Богу всеведущему известно, что мое отношение к ней было совершенно чистым».*



**В** январе 1918 года Совет народных комиссаров принял приснопамятный декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Из декрета Совета народных комиссаров об отделении церкви от государства и школы от церкви: